

Лифт медленно поднимался вверх, в динамиках звучала мягкая, успокаивающая музыка.

Просторной кабины вполне хватало, чтобы двум малознакомым людям не чувствовать неловкости. Но стены были сплошь зеркальные: куда ни глянь, везде отражения, да ещё и общее на двоих с Хэ Исюнем. Это мучило куда сильнее, чем оказаться с ним в тесном лифте.

Только сейчас Сюй Пэй смог толком разглядеть себя со стороны.

Он был заляпан грязью с головы до ног, словно только что выбрался из лагеря для беженцев. В машине его разморило, и он задремал. В итоге волосы сзади прилипли к голове, а одна упрямая прядь торчала вбок, будто он не мылся уже дней десять.

А у Хэ Исюня из «минусов» были лишь слегка помятая рубашка да не вполне свежая причёска. И всё.

Обычно Сюй Пэй внимательно следил за собой, поэтому эта разница особенно больно резала глаз. Хотелось хотя бы пригладить волосы, но в замкнутом пространстве любой жест казался преувеличенным, нарочитым.

Да и какой толк, если лицо всё равно чумазое. Причёска уже не спасала.

К счастью, лифт вскоре достиг нужного этажа и избавил его от необходимости ещё дольше делить с Хэ Исюнем один зеркальный «аквариум». Выходя из кабины, Сюй Пэй на всякий случай предупредил:

— Я пойду в душ первым.

Тон был на семьдесят процентов уверенным и на тридцать процентов осторожно спрашивающим. Не потому, что он уже чувствовал себя здесь как дома, а потому, что привык озвучивать собственные потребности.

Несложно было догадаться: раз Хэ Исюнь живёт один, санузел в квартире у него, скорее всего, тоже один. Учитывая его педантичность, первым делом, вернувшись домой, он немедленно пойдёт в душ. А значит, Сюй Пэю пришлось бы ещё какое-то время торчать в собственном «болоте».

Однако уверенность на Хэ Исюня не действовала. Едва шевельнув губами, он без тени сомнения ответил:

— Нет.

«Ладно. Когда живёшь под чужой крышей, приходится склонять голову».

Сюй Пэй уже приготовился смириться с тем, что ему достанется вторая очередь, но решил сделать ещё одну попытку:

— Я-то грязнее вас.

Неожиданно Хэ Исюнь на пару секунд умолк, а потом вдруг изменил решение:

— Ладно.

Такой ответ настолько выбил Сюй Пэя из колеи, что он даже замедлил шаг.

Его давно занимал один вопрос: почему Хэ Исюнь вроде бы признал его сверхчуткий нюх, но при этом по-прежнему считал его крайне подозрительным?

Теперь всё встало на свои места.

Логику Хэ Исюня вообще было нетрудно понять. Он не из тех, кто поступает неразумно; наоборот, он был чрезмерно рационален. Пока он не видел что-то собственными глазами, как, например, это «шоу талантов» с нюхом, он никогда не поверит в то, что не укладывается в рамки обычной логики.

Переступив порог, Сюй Пэй бегло окинул взглядом квартиру и увидел просторное помещение открытой планировки: все внутренние стены были сняты, кроме санузла, от которого остались лишь несущие колонны. Всё просматривалось целиком, как на ладони.

С трёх сторон стены занимали огромные окна в пол: за ними постепенно светлело небо, проступал красивый городской силуэт.

Разувшись и ступив на пол, Сюй Пэй направился прямо вперёд:

— Мне нужно во что-то переодеться.

Но сзади слышалось:

— Вернись.

Сюй Пэй оглянулся, не понимая.

— Расставь обувь как следует. Носками наружу.

Его взгляд упёрся в пару ботинок самого Хэ Исюня, выстроенных идеально ровно, как по линейке. Образцовый пример: обувь на коврике стояла, как солдаты на смотру.

А рядом круглоносые туфли Сюй Пэя, которые он только что скинул, выглядели чужаком, случайно вломившимся в армейский строй.

Его уже давно никто так не «строил». На секунду даже привиделась сцена из детства: в детдоме воспитатель заставлял его по сто раз перекладывать одеяло.

Он вернулся в прихожую, аккуратно поставил обувь и спросил:

— Так пойдёт?

Старший офицер придирчиво осмотрел двух новых «новобранцев» и, похоже, остался доволен:

— Сейчас принесу тебе одежду.

После самой странной ночи в своей жизни Сюй Пэй наконец смог нажать на паузу, как следует отдохнуть и расслабиться.

Стоило остаться одному в тишине, как сюрреалистичное чувство межмирового перехода накрыло его с новой силой. Ладонью смахнув испарину с зеркала, он взгляделся в собственное отражение в этом чужом месте, словно в затянувшийся сон, из которого никак не удаётся проснуться.

Он поднял руку, вытянул указательный палец и потянулся к зеркалу, почему-то решив, что поверхность окажется вязкой, как трясина, и палец уйдёт в неё с головой.

Подушечка пальца упёрлась в стекло, и нелепая фантазия тут же рассыпалась. Сюй Пэй вздохнул, наконец признавая: вернуться обратно пока не получится.

Вытерев полотенцем капли воды с тела, он взялся за одежду, которую нашёл для него Хэ Исюнь: белую футболку с коротким рукавом и спортивные штаны.

При росте метр семьдесят восемь Сюй Пэй отнюдь не был низким омегой. Но рядом с длинноногим Хэ Исюнем ему впору было записываться в «миниатюрные».

Плечевые швы футболки сползли на руки, а подол почти закрывал бёдра. В такой ещё можно было бы спать, но...

Штаны он удержать не мог.

Даже затянув шнурок до предела, он едва заставил их держаться на тазовых костях.

«Ладно, — решил Сюй Пэй. — Ночью можно и так: на диване посплю, а утром, как высохнет

одежда, переоденуть обратно».

Подхватив штаны за пояс, он вышел из ванной.

На другом конце комнаты, услышав шум, Хэ Исюнь тоже взял смену одежды и направился ему навстречу.

— Спать будешь на диване, — сказал он.

Тот факт, что в квартире была всего одна большая кровать, и так вполне ясно намекал на участь дивана, так что Сюй Пэй не возражал:

— Хорошо.

Но стоило ему поравняться с Хэ Исюнем, как он наступил на слишком длинную штанину, споткнулся, и пояс, выскользнув из пальцев, с тяжёлым вздохом сполз к щиколоткам.

Сюй Пэй:

— ...

Трусы он уже постирал. Попе стало прохладно и как-то неприлично открыто.

Профессор Сюй демонстративно спокойно кашлянул, присел обратно, чтобы натянуть штаны, и с безупречно невозмутимым видом произнёс:

— Ваши штаны мне не по размеру.

— Можешь их и не надевать, — без всякого выражения отозвался Хэ Исюнь, отводя взгляд. — Ты меня не интересуешь.

Дверь ванной снова закрылась. Сквозь матовое стекло проступал силуэт Хэ Исюня, снимающего рубашку; мышцы, выточенные годами тренировок, теперь читались куда отчётливее, чем размытые линии, которые Сюй Пэй видел через стекло раньше.

Сюй Пэй испытал лёгкое чувство оскорблённого достоинства.

В конце концов, в его мире очередь альф, жаждущих завоевать его расположение, тянулась бы от Национального исследовательского института до самого здания парламента.

Однако, поймав себя на том, что измеряет собственную ценность количеством альф вокруг, он тут же задавил раздражение.

В том, что Хэ Исюнь им не заинтересован, не было ничего ненормального. Зачем вообще из-за такой ерунды включать режим соревнования?

На диван уже положили флисовый плед — в тёплой комнате его вполне хватило бы вместо одеяла.

Шум воды в душе действовал как белый шум. Стоило Сюй Пэю устроиться под пледом, а голову положить на декоративную подушку (запасных нормальных подушек у Хэ Исюня не нашлось), как его тут же сморило. Он едва успел закрыть глаза — а когда открыл их снова, солнце уже стояло высоко над горизонтом.

Такого качественного сна у него не было давненько. Даже обычно дисциплинированный профессор Сюй ощутил сладкое желание поваляться: зарыться в диван и не вставать.

Как только мозг выпался и вновь вошёл в рабочий режим, мысль, которую он наспех оттолкнул перед сном, снова всплыла на поверхность.

...Его всё-таки следовало счесть оскорблённым.

Обида была не в том, что Хэ Исюнь им «не интересуется», а в том, что тот заранее придумал исходный посыл: будто Сюй Пэй переживает, что у Хэ Исюня при виде его ног могут «неправильно пойти мысли». Фраза Хэ Исюня была ответом именно на это предполагаемое беспокойство.

Проблема в том, что никакого такого беспокойства у Сюй Пэя не было.

В его глазах Хэ Исюнь был всего лишь импотентным альфой. Чего тут бояться?

Если бы у него и впрямь были опасения, он вообще не пошёл бы к нему домой.

Значит, сам по себе факт, что Хэ Исюнь решил, будто Сюй Пэй о таком думает, уже был оскорбительным допущением.

Нет, этот момент нужно прояснить.

Хотя из всей ситуации Хэ Исюнь произнёс всего одну фразу, у Сюй Пэя было странное ощущение, будто в том споре он недоработал.

Как раз в этот момент с той стороны слышались шорох одеяла и шлёпанье тапок по полу. Хэ Исюнь явно поднялся. Сюй Пэй вскочил с дивана — и тут же застыл, увидев его.

На Хэ Исюне не было рубашки. Рельеф мышц читался теперь куда отчётливее, чем смазанный силуэт за матовым стеклом, и феромоны Сюй Пэя невольно дрогнули.

Но дело было даже не в этом.

На нём были широкие домашние штаны. Ткань, которая должна была свободно падать, наоборот, выпирала внушительной дугой. При каждом шаге эта выпуклость ритмично покачивалась.

Сюй Пэй просто отказывался в это верить. Чем вообще занимается этот человек с утра пораньше?

Он поморщился и совершенно серьёзно сказал:

— Офицер Хэ, нельзя ли вести себя попристойнее?

Хэ Исюнь дошёл до кухни, налил себе стакан воды и, услышав обвинение, лишь скользнул по нему взглядом. Медленно отпил половину и только тогда спросил:

— В каком смысле «попристойнее»?

Голос, смягчённый водой, всё ещё был слегка хриплым. Взгляд, обращённый на Сюй Пэя, выражал одно недоумение: по всему было видно, что он не понимает, о чём речь.

— В моём мире мы с вами разных полов. Наденьте, пожалуйста, рубашку, — Сюй Пэй не смог скрыть раздражения. Он бросил быстрый взгляд на то, что в штанах Хэ Исюня торчало почти под прямым углом к полу, и тут же отвёл глаза. — И прикройте это... неприличное место.

Поставив стакан на стойку, Хэ Исюнь опустил взгляд на себя и уточнил:

— В каком смысле «разных полов»?

С его точки зрения, раз они оба мужчины, прятать обычную утреннюю эрекцию было незачем.

Сюй Пэю было трудно объяснить, что в его мире пол делился по АВО. Он прикинул: чтобы Хэ Исюнь поверил, тому нужно было бы показать железу, а на это Сюй Пэй не собирался ни при каких обстоятельствах.

— Короче говоря, мы с вами разные, — сказал он. — У вас бывает утренняя эрекция, у меня — нет. В этом и разница.

Хэ Исюнь молчал с минуту.

Речь шла не о том, что он не знал: утренних эрекций у некоторых людей действительно не бывает. Его поразил сам факт, что кто-то произносит это вслух таким серьезным тоном.

Теперь он был на один процент ближе к тому, чтобы поверить: возможно, Сюй Пэй и правда из другого мира.

— То есть раз у тебя её нет, а у меня есть, мы уже «разные полы»? — логика была за гранью понимания Хэ Исюня. — И чего же именно мне следует «соблюдать»? Чтобы ты не ревновал?

Что?

Сюй Пэя будто ткнули пальцем в самое больное.

Он всей душой презирал то чувство превосходства, которое альфы зачастую неосознанно излучали. И хотя Хэ Исюнь формально альфой не был, вот эта его «надменность» на сто процентов принадлежала альфе.

Помня, что живёт под чужой крышей, Сюй Пэй задавил раздражение и сказал:

— Я к тому, чтобы вы не посылали мне сексуальных сигналов. Я вами не интересуюсь. Следите за мной сколько угодно, только не проявляйте неуважения.

Хэ Исюнь взял стакан с водой со стойки, но пить не стал, лишь поднёс к губам, едва касаясь края, и пристально разглядывал Сюй Пэя.

Итак, Сюй Пэй понимал, что за ним следят.

Разумеется, привести его к себе домой Хэ Исюнь решил не из доброты душевной. Он всего лишь ждал, когда тот допустит ошибку.

С точки зрения Хэ Исюня отсутствие данных о Сюй Пэе в системе имело массу возможных объяснений.

Самое простое: вымышленное имя плюс пластическая операция. Или же его с рождения держали в изоляции, где на него никогда не заводили никаких записей.

Если развивать эту линию дальше, он мог быть и прокачанным хакером, стёршим свои следы из систем, и человеком с особыми навыками, которого тренировала некая неизвестная преступная организация.

И все эти гипотезы звучали куда менее фантастично, чем межмировые путешествия.

Что бы ни скрывал Сюй Пэй, подход Хэ Исюня был прост.

Раз он заявляет, что попал сюда из другого мира, значит, ему некуда идти.

Отсутствие документов означало, что он не сможет устроиться на работу, а значит, сам себя не прокормит.

В такой ситуации, предложив ему кров и еду, Хэ Исюнь сделал ставку, от которой тот не мог отказаться. Потому что стоило отказаться — и слова со поступками тут же вошли бы в противоречие.

Так Хэ Исюнь получал круглосуточный доступ к объекту наблюдения. Куда бы тот ни захотел пойти, на любое действие ему пришлось бы придумывать внятную причину.

А как человек с «неясной личностью», который ещё и сочинил байку про параллельный мир, Сюй Пэй наверняка где-то жил и с кем-то общался в прежней жизни. Он не мог бесконечно сидеть в квартире Хэ Исюня. Рано или поздно должен был проколоться.

Задача же Хэ Исюня сводилась к одному: спокойно ждать и смотреть, сколько ещё заблуждений ему удастся разоблачить.

Но, похоже, профессор Сюй оказался куда более неудобным объектом, чем он ожидал.

Своими странными заявлениями тот всячески подпирал собственную легенду о межмировом переходе и явно глубоко доверял своей способности контролировать развитие «сценария».

Если такой человек действительно преступник, то это самый опасный тип — высокоинтеллектуальный.

Вдруг Хэ Исюнь поймал себя на мысли, что быть «мягко отстранённым» от службы не такая уж и плохая ситуация.

Потому что сейчас его интересовало не столько дело о стрельбе, сколько происхождение этой лишней детали пазла по имени Сюй Пэй.

Ополоснув стакан и поставив его сушиться, Хэ Исюнь обошёл кухонный остров. Его совсем не удивило, что Сюй Пэй тут же отвёл взгляд, словно перед ним возникла смертельная угроза.

И ведь играет убедительно.

— Всё уже опало, — сказал Хэ Исюнь.

Сюй Пэй облегчённо выдохнул и очень серьёзно добавил:

— Вы услышали, что я сказал? Для меня это действительно важно.

Изначально Хэ Исюнь собирался вернуться в спальню и надеть рубашку, но, проходя мимо дивана, остановился.

Как выяснилось, профессор Сюй во сне поражал активностью. Штаны, которые и так держались кое-как, он скинул куда-то к другому краю дивана, смяв их в бесформенный ком. Футболка по-прежнему была великовата, ворот съехал набок, обнажив половину ключицы и часть плеча.

Плед, судя по всему, ему нравилось зажимать между ног, но сам плед был узковат. Чтобы забрать его побольше, одну ногу пришлось оставить снаружи, полностью на виду у Хэ Исюня.

Хэ Исюнь прекрасно помнил, что профессор ночью стирал бельё, а его трусы сейчас мирно сушились на полотенцесушителе.

Проследив взглядом гладкую линию бедра вверх, он без особого труда заметил краешек ягодицы.

Вот уж кто в двойных стандартах не проигрывал.

— Это касается и тебя, профессор Сюй, — бросил Хэ Исюнь, проходя в спальню. — Ты тоже не подавай мне никаких сигналов.

Какие ещё сигналы?!

Сюй Пэй только сейчас до конца осознал смысл сказанного, посмотрел на собственную ногу и мгновенно переполнился колоссальным раздражением.

Чёрт. Знал бы — сначала проверил бы, как выглядит со стороны. И снова его накрыло странное чувство: будто он опять недоговорил в споре.

<http://bllate.org/book/16101/1597059>